

**МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И РОЛЬ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ****WORLD FINANCIAL CRISIS AND THE ROLE OF DEVELOPING COUNTRIES IN
THE WORLD ECONOMY**

Макалада дүйнөлүк финансылык кризис жана өнүгүп келе жаткан өлкөлөрдүн ролу каралат.

Ачыкчсөздөр: *валюта-финансылык кризис, өнүгүп келе жаткан өлкөлөр, глобалдаштыруу, чет элдик инвестициялар, экономикалык система.*

В статье рассматривается мировой финансовый кризис и роль стран с развивающейся экономикой.

Ключевые слова: *валютно-финансовый кризис, страны с развивающейся экономикой, глобализация, прямые иностранные инвестиции, экономическая система.*

In the article it is considered the global financial crisis and the role of emerging economies.

Keywords: *Monetary financial crisis, emerging economies, globalization, foreign investments, economic system.*

В настоящее время в мировой экономике сохраняется неопределенность. Принимаемые в последнее время решения беспрецедентны в истории рыночной экономики, они во многом противоречат многим фундаментальным ценностям и ориентирам, на которых основывается общество свободного предпринимательства. Не ясно, когда антикризисные меры, предпринятые правительствами и центральными банками ведущих развитых стран, позволят мировой экономике вернуться на траекторию быстрого развития. Даже после окончания кризиса предстоит трудный период с более низкими темпами роста производства по сравнению с недавним прошлым. Нужно будет сокращать значительные бюджетные дефициты как раз в то время, когда в ряде стран с развитой экономикой ускоряется процесс старения населения. Следует также учесть, что безработица примерно на год запаздывает по отношению к фазам делового цикла.

Бесспорно, одно – в настоящее время создаются новые условия для функционирования рыночной экономики в будущем. В перспективе мировое хозяйство будет развиваться на более эффективной основе. Его фундаментальной основой останется регулируемый рынок.

При этом все возрастающую роль в мире будут играть не только такие гиганты, как Китай, Индия и другие крупные развивающиеся страны, но и весь развивающийся мир в целом, включая и африканские государства, о чем свидетельствует целый ряд экономических показателей и, в первую очередь, среднегодовые темпы прироста ВВП.

Среднегодовые темпы прироста ВВП развивающихся стран в период двух последних десятилетий были не только выше аналогичных показателей за предыдущие годы, но также превышали темпы прироста ВВП развитых стран по меньшей мере в 2 раза. В период мирового финансово-экономического кризиса лишь развивающиеся страны показали положительную динамику прироста ВВП, в то время как соответствующий показатель в развитых странах в 2009 г. был отрицательным. Самым большим падение

было в Японии — минус 5,2% в 2009 г., а также в Европе — минус 4,1% в 2009 г., в то время как в США в том же году отрицательный прирост ВВП составил 2,4%.

В результате доля развивающихся стран в мировой экономике возросла с 21,8% в 1980г. до 34% в 2014г. Как прогнозирует экономист С. Понсе, в 2025 г. ВВП развивающегося мира составит 68 трлн долл. (в ценах и по ППС 2000 г.), в то время как развитых — 54,3 трлн долл., а в 2050 г. ВВП развивающихся стран превысит ВВП развитых стран на 85%: прогнозируемые показатели составят, соответственно, 160 и 86,6 трлн долл.

В начале XXI в. под влиянием динамично развивающихся Китая и Индии регион Восточной и Южной Азии превратился в новый полюс роста мировой экономики. Как отмечали авторы прогноза ИМЭМО, именно эти страны станут новыми лидерами глобализации, внося основной вклад в высокую мировую динамику, что ставит под вопрос безусловное доминирование прежнего лидера.

В целом, в первом десятилетии XXI в. экономика азиатского региона оказалась самой быстро растущей в мире. Темпы роста его ВВП, по данным ООН, составили в 2000–2014 гг. 7%, в том числе в 2006 г. — 8,2%, в 2007 г. — 8,6%, и лишь в кризисные годы эти темпы сократились до 5,7 и 3,8%, соответственно, но все равно оставались самыми высокими в мире. Экономический рост этого региона обеспечивался, прежде всего, за счет КНР (темп роста ВВП в 2000–2014 гг. 10,13%, в 2006 г. — 11,6%, в 2007 г. — 13,0%, в 2008 г. — 9,0% и в 2009 г. — 8,7%) и Индии (2000–2014 гг. — 7,9%, 2006 г. — 9,7%, 2007 г. — 9,1%, 2008 г. — 7,3% и 2009 г. — 5,7%).

Наряду с Индией и Китаем, достаточно динамично развивалась экономика Индонезии, Малайзии, Гонконга, Сингапура, Филиппин, Пакистана и Республики Кореи. Высокую динамику развития обеспечивал рекордный уровень притока частного капитала как в форме прямых, так и портфельных инвестиций, а также высокий внешний спрос на продукцию данного региона в сочетании с активным спросом на внутреннем рынке данных государств.

Заметное улучшение, начиная примерно с 2004 г., было отмечено в экономике латиноамериканских стран, где после 5 лет стагнации и кризиса был зарегистрирован рост на 5,7%. Факторами экономической активности явились расширение экспорта и улучшение условий торговли, а также ужесточение денежно-кредитной политики в двух крупнейших странах — Бразилии и Мексике.

Что касается Африканского континента, то в новом тысячелетии в большинстве его стран наблюдался самый длительный период устойчивого экономического роста за весь период независимости. Согласно данным ООН, в 2000–2014 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП в Африке составили 5,7%, в том числе в 2004 г. достигли рекордной величины 8,4%, а в последующие 2005–2008 гг. были на уровне 6% в год, упав лишь в кризисном 2009 г. до величины 2,5%. Однако уже в 2010 г., показатель прироста ВВП в Африке вновь превысил 5%. При этом самые высокие показатели роста ВВП были отмечены для африканских стран-экспортеров нефти, которые составляли в 2000–2007 гг. 7–8%.

Примечательно, что в докризисный период высокие показатели роста экономики были характерны в целом для традиционно наиболее отсталой части континента — Африки южнее Сахары, где рост ВВП был выше общеафриканского показателя, составив 6,8%. Экономический подъем в регионе стимулировался, прежде всего, устойчивым глобальным спросом на сырье, а также во многом поддерживался внутренним спросом (особенно на инвестиционный капитал), успешными результатами реализации мер, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности и осуществление структурных реформ, что способствовало улучшению условий для бизнеса и притоку частного капитала, который в 2007 г. достиг 53 млрд долл. (в 2006 г. — 39 млрд долл.), что составило 3% от общемирового притока прямых иностранных инвестиций.

Для экономического роста большинства развивающихся стран существенное значение всегда имели внешние факторы, а в условиях глобализации мирового хозяйства их роль еще более возросла. Процесс накопления и воспроизводства в развивающихся странах продолжает в значительной степени зависеть от условий торговли, притока капиталов, привлечения извне технологий.

За исключением нескольких стран Латинской Америки и ЮВА, обладающих высокоразвитой промышленностью, а также успешно осуществляющих индустриализацию Китая и Индии, экспорт развивающихся стран «все еще опирается главным образом на эксплуатацию природных ресурсов и использование неквалифицированного труда». Этот фактор, по мнению авторов Доклада ЮНКТАД, сокращает их возможности укрепиться на мировых рынках и повышать производительность труда».

В последнее десятилетие усиливающиеся позиции развивающихся стран в мировой экономике обусловили увеличение темпов роста их внешнеторгового обмена и роли на мировых рынках. Доля экспорта развивающегося мира в международной товарной торговле в 1980 г. составляла 29,4%, к 1990 г. она сократилась до 24,3%, демонстрируя в последующем постоянный рост: 31,9% в 2000 г., 37,8% в 2007 г., 39% в 2008 г. и 39,5% в 2009 г. Удельный вес развивающихся стран в мировом импорте также обнаружил сходную динамику. В 1980 г. он составил 23,9%, в 1990 г. несколько сократился и не превышал 22,4%, однако уже в 2000 г. увеличился до 28,8%, а в 2007 г. — до 33,3%. В кризисные годы данный показатель увеличился до 35% в 2008 г. и до 36,7% в 2009 г.. Все эти данные свидетельствуют о постоянном увеличении роли развивающихся стран в мировой торговле, в том числе, и в условиях кризиса.

В то же время рост данного показателя не носил непрерывного характера и был дифференцированным в различных странах и отдельных регионах. Так, развивающиеся страны Азии увеличили свою долю в мировом товарном экспорте с 17,9% в 1980 г. до 30,8% в 2010 г., в т.ч. Восточная Азия — с 3,7% до 16,8%; а Китай — с 0,8% до 9,7% соответственно. Что касается мирового импорта, то доля азиатских стран в целом увеличилась с 1980 по 2010 г. с 13 до 27,9%, в том числе стран Восточной Азии — с 4,1 до 14,7%, а Китая — с 0,96% до 7,97%. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна практически сохранили свои позиции по экспорту и импорту на уровне 5,6–5,8%, а страны Африки сократили показатели по экспорту с 5,9% в 1980 г. до 3,5% в 2008 г., а по импорту — с 4,7 до 3% соответственно. В то же время в 2000 г. удельный вес африканских стран в мировой торговле был еще меньше и не превышал по экспорту 2,3%, а по импорту — 1,9%, так что в 2000-е годы роль Африки в мировой торговле все таки увеличилась.

В целом, несмотря на определенные трудности в развитии обрабатывающей промышленности, доля развивающихся стран в мировом промышленном производстве за последнюю четверть века заметно выросла, укрепились их позиции на внешнем рынке. При этом прирост промышленной продукции в 12 развивающихся странах (НИС, Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Таиланд, Турция, Филиппины, Пакистан, Шри Ланка) предопределил в 2000г. их долю в размере свыше 3/4 совокупного экспорта развивающегося мира, причем четверть экспорта всех развивающихся стран приходится сегодня на долю Китая. Именно за счет роста экспорта данных государств и произошло основное увеличение общего веса развивающихся стран в мировой торговле.

Одновременно, в результате роста промышленного производства в развивающихся странах заметно изменилась товарная структура их экспорта. Так, доля экспортируемой промышленной продукции выросла с 12% в 1960 г. до 70% общей стоимости экспорта в первое десятилетие XXI в., а участие развивающихся стран в промышленном экспорте мира выросло с 6% в 1950 г. до 30–35% в 2007 г.; при этом распределение этой доли по регионам было неравномерным.

При имеющихся место позитивных тенденциях роста промышленного экспорта развивающийся мир все еще продолжает выступать на мировом рынке как крупнейший

поставщик сырьевых товаров: топливных, минеральных, продуктов тропического и субтропического земледелия, ценной тропической древесины, разнообразных морепродуктов. Эти товары обеспечивают до 70% всей их экспортной выручки большинства развивающихся стран, а некоторых государств Тропической Африки — до 95%.

Определенные позитивные сдвиги, происшедшие в экономике развивающихся стран в последние десятилетия, возросшее значение их как важнейших источников топливного, минерального и сельскохозяйственного сырья способствовали повышению их роли в движении прямых и портфельных инвестиций. В современных условиях в страны Азии, Африки и Латинской Америки поступает ежегодно свыше 30% от мирового объема прямых инвестиций. В 2008 г. объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развивающиеся страны вырос до рекордно высокого уровня — 630 млрд. долл. (35,6% общемировых ПИИ), в то время как в 2007 докризисном году данная цифра равнялась 564 млрд. долл., что составляло 26,8% мировых ПИИ. Весьма примечательно, что в 2009 г., в пик кризиса, доля развивающихся стран в общемировых ПИИ еще более увеличилась и достигла величины в 43%, хотя, в абсолютных величинах приток прямых инвестиций в развивающиеся страны сократился в 1,3 раза (в мире — в 1,6 раза) и составил 478 млрд. долл. Таким образом, в период мирового кризиса именно рынки развивающихся стран были наиболее привлекательными для иностранного капитала, что, в конечном счете, также свидетельствует о повышении их роли в мировой экономике.

Поток прямых инвестиций распределяется среди стран неравномерно, концентрируясь в основном в десяти государствах Южной и Восточной Азии и Латинской Америки, на которые приходится до 80% совокупных ПИИ. Вплоть до начала кризиса 2008-2010 гг. перечень крупнейших получателей ПИИ оставался стабильным: лидерами были Китай и Гонконг, а также Сингапур, Мексика и Бразилия. Страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии получили 59% совокупного объема ПИИ развивающихся стран в 2008 г., что составило 372 млрд. долл. и 63% всех ПИИ в 2009 г. (301 млрд. долл.). При этом главными получателями ПИИ были Китай (108 млрд. в 2008 г. и 95 млрд. в 2009 г.), Гонконг (59 и 48 млрд. соответственно) и Индия (45 и 26 млрд.). Государства Латинской Америки в 2008 г. получили 183 млрд. долл., что было на 20 млрд. долл. больше, чем в докризисном 2007 г. и составило 29% всех ПИИ в РС, и 116 млрд. долл. в 2009 г. (24,2%) [1, Р.374–375]. Примерно четверть всех ПИИ в Латинскую Америку приходится на Бразилию (45 млрд. долл. в 2008 г. и 26 млрд. долл. в 2009 г.). Приток ПИИ в Африку достиг рекордного для континента показателя — 63 млрд. долл. в 2007 г. и 72 млрд. долл. в 2008 г., однако его удельный вес в совокупном объеме ПИИ оставался низким и не превышал 3% и 4% соответственно. В 2009 г. совокупный объем ПИИ сократился до 58,5 млрд. долл., что составило 12% всех ПИИ в РС и 5,2% общемировых инвестиций — самый высокий показатель для Африки за последние 30 лет!

В последние десятилетия растет роль развивающихся стран в качестве экспортеров капитала. При ничтожно малых или небольших уровнях до середины 80-х годов (немногим более 3 млрд. долл. или 6% общемирового оттока ПИИ) отток капитала из РС в 2007 г. достиг 292 млрд. долл. (12,8% мирового оттока ПИИ), 296 млрд. в 2008 г. (уже 15,3%) и 229 млрд. в 2010 г., что соответствует 21% от общемирового показателя.

Наиболее значимые позиции в экспорте ПИИ среди развивающихся стран занимают азиатские государства, обеспечивая свыше 75% от общего объема ПИИ из развивающихся стран, при этом абсолютным лидером по экспорту капитала вплоть до 2008 г. был Гонконг, экспортирующий ежегодно капитал на сумму от 30 до 60 млрд. долларов. Однако уже в 2008 г. Китай вывез 52 млрд. долл., что было на 2 млрд. больше, чем у Гонконга. Однако в 2009 г. наблюдалась противоположная ситуация: из Китая было вывезено 48 млрд. долл., а из Гонконга — 52 млрд. Индия также с 2006 г. выступает крупным экспортером капитала: в 2007 г. отток ПИИ из этой страны составил 17,2 млрд. долл., в 2008 г. он достиг рекордной величины — 18,5 млрд., а в 2009 г. снизился до 14,9

млрд долл. Доля стран Латинской Америки и Карибского бассейна снизилась с 67% в 1980 г. до 20% в 2009 г. Отток ПИИ из этого региона составил 55 млрд. долл. в 2007 г., 82 млрд в 2008 г. и 47 млрд в 2009 г. Основные экспортеры ПИИ из стран Латинской Америки — Бразилия и Чили. При этом в 2009 кризисном году оттока капитала из Бразилии не было вообще. Что касается Африки, то в 2007 г. отток ПИИ с Африканского континента составил 10,6 млрд. долл., в 2008 г. — 9,9 млрд, а в 2009 г. — всего 4,9 млрд. долл.

В последнее время в наиболее крупных, динамично развивающихся странах — Бразилии, Мексике, Индии и Китае — ускорился процесс формирования фондовых рынков.

Еще одним ярким свидетельством глубоких перемен в странах Азии, Африки и Латинской Америки является появление там транснациональных корпораций, которые все активнее и решительнее выступают на мировых рынках, все больше влияют на деятельность международных организаций в сфере регулирования мирохозяйственных отношений. Их число пока невелико, но их роль в мировой экономике неуклонно возрастает. Так в 1995 г. лишь 1,1% внешних активов из 2,5 тысяч крупнейших ТНК мира приходилось на развивающиеся страны, в том числе 1% — на азиатские, а в 2008 г. данные показатели увеличились до 8,0 и 6,6% соответственно. Из ста крупнейших ТНК развивающихся стран и стран с переходной экономикой 47 были из Восточной Азии, 15 — из стран ЮВА, 9 — из Африки (в основном, из ЮАР и АРЕ), 9 — из Латинской Америки, 7 — из Западной Азии и 5 — из Южной Азии.

Новые ТНК активно используют свои преимущества в том, что касается доступа на динамично развивающиеся рынки стран «третьего мира». Они опираются не только на дешевизну рабочей силы и природных ресурсов, но и на такие факторы, как развитие инновационной деятельности, использование новейших технологий, интернет-ресурсы, изобретательность в конкурентной борьбе с западными партнерами и др.

По нашему мнению, развитые страны, обладая руководящими позициями в мировых институтах, всеми силами будут стремиться сохранить свое доминирование в мировой экономике с помощью именно институциональных рычагов. Несмотря на изменения в мировой экономике, особенно ускорившиеся в ходе последнего кризиса, западный мир стремиться сохранить в максимальной степени старые международные институты, обеспечивающие бесперебойное функционирование, в первую очередь, экономик развитых стран. Создание новых институтов потребует определенного времени, хотя этот процесс уже начался сегодня (вспомним хотя бы появление Большой двадцатки). Видимо, в ближайшее десятилетие мы станем свидетелями возникновения новых международных объединений, однако процесс их создания и дальнейшего функционирования будет неоднозначным и достаточно противоречивым.

Появление и стремительное утверждение на мировом экономическом пространстве новых центров силы в лице, прежде всего, так называемых «новых экономических вершин» — Китая, Индии, Бразилии и др. — вносит глубокие изменения в поведение основных игроков на мировых рынках, в направление и структуру движения товаров, финансовых, миграционных потоков, вынуждает мировых лидеров вносить существенные коррективы во внешнеэкономическую стратегию, чтобы не упустить новые возможности и предотвратить возможные угрозы.

В целом, несмотря на очевидные убедительные успехи многих развивающихся стран, развитие мировой экономики в условиях глобализации весьма слабо сказалось на преодолении социально-экономической отсталости, устранении бедности, решении продовольственной проблемы в обширном ареале развивающихся экономик. В XXI в. за чертой бедности все еще пребывает 3 млрд. человек, или 53% совокупного населения развивающегося мира, и более 1,1 млрд. человек (21,1%) находятся ниже порога нищеты.

С другой стороны, процессы глобализации распространяются на мировую периферию не равномерно и повсеместно, а избирательно и точечно. К мировому рынку «подключаются» не страны целиком, а отдельные отрасли, ресурсы, производства.

Поэтому нередко возникает ситуация, когда одна-две отрасли или даже конкретные предприятия какой-либо развивающейся страны оказываются глубоко интегрированы в мировой рынок и вплетены в системы международного разделения труда, обмена, выпуска зачастую высокотехнологичной продукции, а страна в целом продолжает оставаться слаборазвитой и ее отставание все более усугубляется.

При этом экономический рост, генерируемый ускоренным развитием стран Третьего мира, уже стал создавать мультипликативный эффект для мировой экономики в целом. Кризис 2007-2010 гг. годов показал, что внутренний спрос в Китае становится фактором подъема мировой экономики в целом. Это качественный поворот от ситуации, когда рост китайской экономики в основном базировался на зарубежном спросе на продукцию этой страны. Для осознания всей глубины перемен следует изучить долгосрочные тренды в воздействии крупных развивающихся экономик на мировое хозяйство и формирование соответствующих моделей глобального развития. Особенно значимым является исследование проекций будущих мировых демографических процессов в сравнении с прогнозируемыми тенденциями физического накопления капитала, роста производительности труда. Исследование этих вопросов позволяет в определенной степени прогнозировать основные направления эволюции и новой, только возникающей модели мирового экономического развития, а также разработке конкретных мер антикризисной регуляции мирового финансового рынка.

Конкретные антикризисные меры должны основываться на учете экономических условий и доступных ресурсов в данной экономике. Однако есть и ряд общих рекомендаций, которым должны попытаться следовать все страны.

Во-первых, надо избегать протекционистских мер и политики «экспорта» проблем своим соседям, которые способны лишь углубить глобальную рецессию (как случилось в 1930-х гг.). Это касается не только «классического» торгового протекционизма, например, повышения импортных пошлин или усиления нетарифных мер импортной защиты, но также выше упомянутой конкурентной девальвации валюты, субсидирования и других мер государственной поддержки отечественным производителям, ограничений в импорте рабочей силы, и т.п. (За немногими исключениями (свободное движение рабочей силы внутри Евросоюза или между Канадой и США), трудовая миграция не регулируется международными договорами, и она остается предметом односторонних регуляций в странах принимающих мигрантов. Поэтому очень легко принимать ограничительные меры в этой сфере, особенно под лозунгом борьбы с безработицей и защиты отечественной рабочей силы. Они наносят сильный удар по экономикам ниже развитых стран (в нашем регионе страны Средней Азии, Южного Кавказа, Балканы, Молдова), где доходы от трудовой миграции составляют значительную долю ВВП.)

Во-вторых, правительства не должны поддаваться искушению национализации частных предприятий (во имя оказания им поддержки или защиты рабочих мест) и расширения государственного сектора на постоянной основе, что чревато снижением производительности, чрезмерным увеличением фискального бремени в будущем, политизацией предпринимательской деятельности, коррупцией и ориентацией на рентные доходы.

Национализация должна рассматриваться лишь в качестве временной пожарной меры и только применительно к банкам и другим финансовым институтам, имеющим системное значение, а также лишь в тех случаях, когда отсутствуют другие варианты их оздоровления/рекапитализации (например, нет шансов найти достаточно быстро частных инвесторов). Каждое решение о национализации должно, с самого начала, сопровождаться четкой стратегией повторной приватизации, когда ситуация на финансовом рынке стабилизируется.

В-третьих, многим странам необходимо вернуться к структурным и институциональным реформам, забытым во время процветания, чтобы смягчить последствия кризиса и повысить потенциал экономического роста в посткризисный

период. Такие пакеты реформ должны учитывать конкретные условия каждой страны, тем не менее, их стратегическим ориентиром должна быть попытка увеличения гибкости рынков труда и товаров, улучшение делового климата, борьба с коррупцией, приватизация оставшихся государственных предприятий и рационализация социальной сферы.

В-четвертых, следует подвергнуть тщательному пересмотру систему финансового надзора, как на национальном, так и наднациональном уровне (например, внутри ЕС, и в глобальном масштабе) (Доклад группы экспертов, приглашенных Председателем Европейской комиссии, под руководством Жак дэ Ларозер (De Larosiere et al., 2009) дает интересные предложения, как устранить системные и регуляторные недостатки на Европейском и глобальном финансовых рынках.)

В-пятых, то же можно сказать и относительно глобальной и региональной координации макроэкономической политики, а также успешного завершения переговоров «Дохийского раунда» о дальнейшей либерализации мировой торговли. В связи с этим весьма оптимистичными представляются недавние решения G-20 относительно реформирования структуры МВФ и Всемирного банка, расширения их мандатов и изменения в системе квот, повышающих силу голоса развивающихся стран.

Дальнейшие рекомендации, особенно в области макроэкономической политики и финансового регулирования, зависят от роли данной страны в мировой валютной и финансовой системе. Грубо говоря, есть страны мирового «центра» и мировой «периферии».

К первой группе принадлежат страны, чья валюта широко используется вне их национальной юрисдикции в качестве международного платежного средства и средства накопления. Это, в первую очередь, доллар США, потом евро и, в несколько меньшей степени, японская иена, швейцарский франк и британский фунт. На территории этих стран находятся также штаб-квартиры крупнейших транснациональных банков и других финансовых институтов. Эти страны могут получать эмиссионную ренту от экспорта своих валют и значительную часть прибыли, выработанной финансовым сектором. Однако, с другой стороны, они несут особую ответственность за удовлетворение спроса мировой экономики на деньги и восстановление работоспособного финансового сектора в глобальном масштабе.

Осенью 2008 года, после системного краха финансового посредничества (и связанного с ним резкого снижения денежного мультипликатора), последовавшего за банкротством «Lehman Brothers», повысился спрос со стороны экономических субъектов во всем мире на самые ликвидные платежные средства, т.е., наличные деньги и депозиты до востребования. Кроме этого началось бегство от многих национальных валют (особенно в развивающихся экономиках) к доллару и другим глобальным валютам, которых держатели финансовых активов считали относительно безопасной «гаванью».

Если ведущие центральные банки, особенно ФРС, не ответили бы на этот дополнительный спрос, Мировой экономике угрожала бы еще более глубокая рецессия и, возможно, дефляционная спираль. Помнив печальный опыт Великой депрессии тридцатых годов (кстати, нынешний глава ФРС долгие годы занимался, как ученый, исследованием этого эпизода) ФРС, а вслед за ней другие ведущие центральные банки, приняли беспрецедентные меры по увеличению объема резервных денег.

Когда радикальное снижение учетной ставки ФРС почти к нулю не принесло ожидаемых эффектов из-за высоких премий риска в финансовом секторе (рыночные процентные ставки продолжали расти), ФРС начал так называемое количественное смягчение денежной политики. На практике это означало покупку казначейских обязательств Правительства США, коммерческих облигаций, разного типа финансовых инструментов на рынке недвижимости, и т.п. Эти нестандартные меры помогли удвоить денежную базу ФРС на протяжении четырех месяцев. Вслед за ФРС пошли Банк Англии, Банк Японии и, в меньшей степени, ЕЦБ.

В обычные времена такого типа денежная политика считалась бы, совершенно справедливо, популистской и авантюристкой. Однако в условиях беспрецедентного паралича финансового сектора она оказалась необходимостью. Однако, эта политика несет за собой ряд вызовов и рисков, которых сила будет расти по мере того, как мировая экономика начнет преодолевать рецессию.

Главные из них заключаются в следующих фундаментальных вопросах: до какой степени можно увеличивать денежную базу, как отказаться от монетарного стимулирования, когда на смену риску дефляции придет опасность инфляции или стагфляции (не повторится ли опыт 2002-2003 гг., когда ФРС побоялся ужесточить денежную политику слишком рано?), что делать с активами плохого качества, накопленными некоторыми центральными банками (в частности, ФРС) в процессе агрессивного расширения денежной базы, и сохранилась ли на практике независимость центральных банков, особенно ФРС, от исполнительной и законодательной власти? На эти вопросы мы получим ответы уже в ближайшее будущее.

В этом анализе «периферийным» считается все страны, которые не принадлежат к «центру». Их положение, задачи и эффективные ресурсы для борьбы с кризисом являются совершенно другими, чем в странах «центра».

В частности, центральные банки «периферийных» экономик не должны повторять вышеописанного поведения ФРС и других ведущих центральных банков по одной простой причине: их валюты не пользуются той степенью доверия, что валюты экономического «центра». Более того, экономические субъекты стран «периферии», в отличие от экономических субъектов стран «центра» заимствуют не только в отечественной валюте, но также в иностранной валюте. В связи с этим денежная экспансия может очень легко привести к падению валютного курса (со всеми неприятными последствиями), бегству от национальной валюты, паническому оттоку капитала, повторной долларизации/ евроизации, банкротству предприятий и домашних хозяйств, задолженных в иностранной валюте, всплеску инфляции, и т.п.

Этот тяжелой урок уже испытали, в ранней стадии нынешнего кризиса, центральные банки России, Украины, Казахстана, Польши, Турции, Румынии и нескольких других стран с переходной экономикой. Попытки пополнить экономику деньгами в целях оказания помощи реальному сектору лишь только усилили стремление избавиться от национальной валюты и усугубили воздействие кризиса.

Еще более сложная ситуация складывается в сфере фискальной политики. Нынешний кризис вернул интерес к стандартной кейнсианской доктрине активного фискального стимулирования совокупного спроса, далеко выходящей за рамки так называемых автоматических фискальных стабилизаторов, связанных с естественным падением государственных доходов и ростом расходов (на социальную поддержку) во время экономического спада. Многие развитые страны, особенно США, Великобритания, Испания, Ирландия (но также Китай), продекларировали намерение пойти этим путем. К всеобщему фискальному стимулированию, международно-скоординированному, призывал также МВФ (см. IMF, 2008) и, в меньшей степени, Евросоюз (см. Council of the European Union, 2008).

Однако предложение активно использовать фискальное стимулирование для борьбы с рецессией вызывает много сомнений на счет его целесообразности и реальности (смотри например, Balcerowicz & Rzonca, 2008). Во-первых, активное фискальное стимулирование нуждается в дополнительном заимствовании на частично парализованном финансовом рынке. У многих стран, особенно принадлежащих к экономической «периферии», возможность заимствования во время кризиса сильно ограничена и попытка наращивать бюджетный дефицит может легко привести к дефолту. Кстати, похожие ограничения появляются у некоторых стран зоны Евро, например, Греции, Италии, Испании и Ирландии.

Но даже те страны, которые находятся в более благоприятном положении (т.е. имеют сравнительно небольшой государственный и внешний долг или значительные финансовые резервы, как в случае нефтедобывающих стран) и обладают более надежной репутацией на рынке, должны хорошо подумать прежде, чем прибегать к агрессивному фискальному стимулированию.

Во-первых, надо учесть долгосрочные бюджетные ограничения. У многих стран уровень госдолга был уже опасно высоким накануне кризиса, а в условиях падения ВВП и обесценения многих национальных валют он автоматически увеличился. Более того, большинству стран Европы, Северной Америки и частично Азии придется столкнуться с долгосрочным вызовом в области государственных финансов, который связан со старением населения в ближайшие десятилетия (что значительно увеличит расходы на государственные пенсионные системы и систему здравоохранения).

Во-вторых, если запустить фискальное стимулирование политически просто, то приостановить или изменить его направление (в сторону ужесточения фискальной политики), намного труднее.

В-третьих, фискальное стимулирование зачастую связано с опасностью явного или скрытого протекционизма (поддержка для отечественных производителей, банков, при условии, что они будут оказывать предпочтение отечественным клиентам, и т.п.). Протекционистский риск легко объясняется политэкономией законодательного процесса: нелегко задействовать деньги налогоплательщиков в пользу иностранных субъектов.

И, наконец, крупномасштабное фискальное стимулирование может означать дополнительное вытеснение частного сектора, а также стран «периферии» из кредитных рынков.

Несмотря на эти риски, у стран «центра» нет другого выбора, как взять на себя фискальную ответственность за восстановление глобальной финансовой системы и помочь тем, кто находится на «периферии», преодолеть кризисные процессы, вызывающие обесценение их валют.

Без проведения «ремонта» мировой финансовой системы вряд ли можно рассчитывать на скорое окончание рецессии. Часть или большинство государственных ресурсов, задействованных в реабилитацию обанкротившихся банков и других финансовых институтов, имеющих системное значение, можно будет вернуть в результате их повторной приватизации.

Необходимость финансовой поддержки со стороны стран «центра» касается и стран «периферии», которых особо сильно затронул нынешний кризис. Если оставить их вне внимания, кризис будет дальше распространяться и углубляться, а его обратная волна может ударить опять по странам «центра», как это произошло в конце девяностых годов. Кажется, что этот недавний исторический урок был хорошо запомнен, и с самого начала нынешнего кризиса поддержка странам «периферии» находилась высоко в иерархии приоритетов высокоразвитых стран.

Центральную роль пришлось сыграть в этом процессе МФВ, который считался уже почти мертвой организацией в предыдущие годы (из-за отсутствия стран, желающих получать финансовую поддержку). Ситуация резко поменялась, начиная с лета 2008 г. В конце июля 2009 г. активные программы заимствования в МВФ имеет 48 стран мира, в том числе – 13 стран с переходной экономикой[11]:

- Армения, Беларусь, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Латвия, Монголия, Румыния, Сербия и Украина; все они получили программы SBA, т.е. договор стэнд-бай;
- Польша (FCL, Гибкая кредитная линия);
- Таджикистан (программа PRGF, т.е., борьбы с бедностью и поддержки экономического роста);
- Кыргызстан (программа ESF, т.е., компенсации внешних шоков).

Практически во всех странах с развивающейся экономикой мировой финансовый кризис лишь усугубил и углубил уже существовавшие здесь экономические проблемы, местами трансформируя их в системный экономический кризис.

Сложность ситуации в этих странах состоит не столько в наличии кризиса, сколько в том, что нет собственных резервов для его преодоления. Копируются антикризисные программы развитых стран, которые требуют больших финансовых средств и эффективной системы менеджмента на всех уровнях и предусматривают высокий уровень рыночных отношений.

Подобных ресурсов нет ни в одной из этих стран. Это приводит к увеличению финансовой зависимости от внешних доноров, то есть к потере самостоятельности в принятии решений. Единственным выходом из сложившейся ситуации может стать объединение собственных ресурсов и преодоление имеющихся противоречий путем интеграции как внутри региона, так и за его пределами.

Список литературы

1. UNCTAD. Handbook of Statistics 2014. N.Y. and Geneva, 2014.
2. Мировая экономика: прогноз до 2020 г. [Текст]. — М.: 2009.
3. Poncet S. The Long Term Growth Prospects of the World Economy: Horizon 2050. Paris: CEP // Working Paper. N16. 2006.
4. The Mutual Review of Development Effectiveness in Africa: Promise and Performance. OECD. 2010.
5. CNUCED. World Investment Report 2008. — N.Y. and Geneva, 2008.
6. Эльянов А.Я. Развивающиеся страны в мировой экономике: тенденции и проблемы [Текст]. / А.Я.Эльянов // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 2.
7. CNUCED. World Investment Report 2014.
10. Human Development Report 2009. Overcoming barriers: Human mobility and development. UNDP. — N.Y., 2009.